

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ?
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК МИГРАЦИЯ,
ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЦИРКУЛЯЦИЯ ИДЕЙ

А. ЯСНИЦКИЙ

Данная статья завершает цикл работ, посвященных специфике изоляционизма советской психологии (Ясницкий А. // Вопросы психологии. 2010. № 3; 2011. № 1, № 6; 2012. № 1). Она подводит итоги исследования международных коммуникаций советских психологов, их отношений с местными покровителями и спонсорами науки, зарубежными коллегами, а также международного научного обмена, понимаемого как циркуляция научного знания. Идея циркуляции знания иллюстрируется на примере транснациональной истории психоневрологической дисциплины и социальной практики психогигиены.

Ключевые слова: международные контакты, научные коммуникации, неформальные системы личных знакомств, научный импорт, научный экспорт, реэкспорт, психогигиена, дисциплинарная история, транснациональная история.

Данная работа подводит итоги серии исследований международных коммуникаций советских психологов в виде заграничных конференций [18], их публикаций на иностранных языках в СССР и за рубежом [19], а также влияния на международные научные коммуникации взаимоотношений между учеными, покровителями (*patrons*) и спонсорами (*sponsors*) науки [17], и зарубежными научными сообществами [16]. Наше исследование приводит нас к выводу о несостоятельности несколько упрощенной истории о полной изоляции, вызванной репрессивным характером сталинского режима власти или ростом культурной самодостаточности и изоляционизма советского общества и науки в 1930-е гг. [2] (см. обсуждение этих двух подходов к проблеме изоляционизма в советской науке [17]). Перед нами предстает более объемная и сбалансированная картина международного положения советской науки в тот период. Не теряя из вида социокультурного своеобразия советской психологии, мы в то же время начинаем лучше видеть ее взаимосвязанность с

психологическими исследованиями в Западной Европе и Северной Америке и ее зависимость от международной научной практики.

В самом деле, западные ученые, порой с трудом понимавшие характерный марксистский сленг научного дискурса теоретической и общей психологии в Советском Союзе, отмечали при этом, к своему удивлению, принципиальное сходство западной и советской науки в ее практическом исполнении. Так, например, в своем обзоре советской психотехники и промышленной психологии (*industrial psychology*) в Советском Союзе, подготовленном на основе личных наблюдений во время восьмимесячного пребывания в стране в середине 1930-х [51], Моррис Вителес писал: «В свете декларируемых различий [между советской и буржуазной наукой] объем исследований, методы и достижения промышленной психологии в Советском Союзе ожидаемо должны отличаться от научных исследований, методов и достижений в *буржуазных* странах Европы и Америки. Однако на самом деле черты сходства гораздо более поразительны, чем

различия. Объем исследований в области промышленной психологии в СССР практически неотличим от объема исследований в других странах, включая исследования и практику профессионального отбора, профессиональной подготовки и понижения утомляемости на производстве, рационализации методов труда и использования механизмов, профилактики несчастных случаев на рабочем месте, и т.п.» [50; 86].

С этим описанием положения дел в психотехнических исследованиях в довоенный период перекликается краткий отчет Ж. Пиаже о его послевоенном визите в Советский Союз. Встретившись с представительной делегацией советских психологов на Международном психологическом конгрессе в Монреале (1954), он был официально приглашен посетить Советский Союз и уже в следующем году в составе делегации ученых из Франции и Швейцарии приехал с визитом в СССР. В Москве в разгар холодной войны (апрель 1955 г.) Ж. Пиаже, к своему удивлению, обнаружил большое число психологов, не уступавших по численности физиологам, и сделал доклад перед полной аудиторией заинтересованных и вполне компетентных слушателей. Описывая участвовавших в дискуссии советских ученых, Ж. Пиаже подчеркивал, что «эти психологи читают практически все, что появляется за границей, в особенности на французском и английском языках. Я был особенно потрясен, встретив русских коллег, читавших короткие статьи, содержание которых я к тому времени сам уже отчасти забыл. И если мне позволена будет критическая ремарка, то единственное замечание, которое у меня возникло в ходе моего визита или при анализе некоторых исследований, таких как, например, работа Костюка по детской психологии счета (psychology of number), это то, что некоторые советские авторы, по моему впечатлению, цитируют иностранных авторов реже, чем читают

их работы» [32; 344]¹. Сходный упрек в заимствовании идей и методов и при этом в отсутствии ссылок на западные исследования можно найти, к примеру, в рецензии на английскую публикацию книги Б.В. Зейгарник «Патология мышления» (1962), вышедшую в 1965 г. в английском переводе под названием «The pathology of thinking». Отдавая должное представленным в этой книге качественным (qualitative) описаниям разнообразных расстройств мышления у психиатрических пациентов, автор рецензии недоумевает по поводу отсутствия ссылок на, казалось бы, общеизвестные фундаментальнейшие зарубежные исследования, при том что эмпирические исследования базируются на классических западных наработках: «...все тесты, за исключением двух [с использованием методик опосредованного запоминания], представляют собой варианты тестов, используемых на Западе, включая модификации тестов на сортировку предметов, тесты на интерпретации пословиц, тесты на раскладывание картинок из батареи тестов Векслера—Бельвью, а также вариации юнговских тестов на словесные ассоциации» [52; 333].

Эти и другие примеры неатрибутированных цитат и заимствований из зарубежной научной литературы иллюстрируют специфический «этнос советской психологии», возникший в результате негласного «социального контракта» между наукой и властью (о гибриде советской науки и партийно-государственного аппарата, а также отношениях между советскими психологами и властью см. [17]). Этот специфический этнос, или же, по выражению авторов недавней полемической статьи, вышедшей в юбилейном сотом номере журнала «Новое литературное обозрение», «архетип советской психологии»

¹ Ср. утверждение Г.П. Щедровицкого о том, что «эксплуатируются работы Пиаже, его эксперименты, но не публикуют самого Пиаже» [15].

[21], начал складываться в начале 1930-х и окончательно оформился в период холодной войны в 1950–1960-е гг. Впрочем, не это важно. Важно другое: становится очевидно, что мы располагаем достаточными основаниями для рассмотрения советской психологии не только как «самобытной» и «глубоко своеобразной» науки, т.е. с точки зрения узко локальных и сугубо национальных событий и процессов, но и в ключе «транснациональной истории» (transnational history), основанной на анализе транснациональных научных сетей и систематического международного обмена научной информацией, поездок и миграций ученых, а также политики неакадемических организаций и институтов, в рамках и под эгидой которых вся эта транснациональная научная деятельность становилась возможной [27].

Транснациональная перспектива позволяет нам взглянуть в новом свете на целый ряд процессов и явлений в науке, таких как, например, переводные и иноязычные научные публикации, ранее предварительно изученные и описанные на материале публикаций советских психологов довоенной поры [19]: «Большое число переводных публикаций может быть понято только при условии, что они соотносятся со сложной сетью международных обменов между лицами, занимающими ключевые научные должности, обменов различными приглашениями, почетными докторскими званиями и т.п. Затем мы должны задать вопрос: как получается так, что какой-то конкретный автор или издатель становится импортером тех или иных конкретных идей? Почему автора X публикует издатель Y? Очевидно, что в результате такой публикации импортер получает какую-то определенную выгоду. Импортерами еретических мыслей становятся маргиналы в той или иной области, которые переносят идеи, признанные и авторитетные в смежной области, для усиления собственной позиции в своей области. Иностраных

авторов зачастую используют утилитарно и для решения таких задач, которые они сами, вероятно, отказались бы решать в своей собственной стране. Тем не менее именно таким образом иностранного автора часто можно использовать для атаки на своего соотечественника» [22; 223].

Следует подчеркнуть, что «транснациональный» подход к истории науки во все не отрицает исследования локальных историй — более того, он подразумевает такие исследования [31] с опорой на документальные свидетельства и материалы местных ведомственных, филантропических, правительственных, а в случае советской истории еще и богатейших партийных архивов, тем более что определенный массив архивных материалов советского периода был опубликован за годы «архивной революции» (см., напр., [1], [4], [8]; об «архивной революции» см. [6], [29], [56]). Процесс производства знания безусловно в значительной мере зависит от местного контекста и от отношений, выстраиваемых между наукой и ее покровителями и спонсорами в лице представителей власти или филантропических организаций [17]. Однако так же безусловно и то, что производство нового знания *в реальности* происходит при условии его миграции, постоянного международного обмена и обогащения теориями, дискурсами и практиками. При этом миграция знания из одного местного контекста в другой предстает не как механический перенос, а как избирательный и преобразующий процесс, в ходе которого содержание знания претерпевает изменения, и порой весьма значительные, а само знание постоянно и непрерывно «циркулирует» (circulation, looping) из одного местного контекста в другой и обратно [45]. Вместе с тем сами местные процессы и явления, очевидно, при этом следует понимать не как статичные и неизменные, а как динамически меняющиеся в ходе и в соответствии с трансформацией «экспортируемого» знания «циркулирующие

местные контексты» (circulatory localities). Обозначивший их таким образом Ив Коэн (Yves Cohen) подчеркивает, что «ничто не остается неизменным в процессе циркуляции, будь то идея, язык, человек, техническое приспособление, технология, способ организации или слово» [24; 27]² (о «циркуляции знания» см. также [42], [45]). Исключительно интересна история международного психогигиенического движения в качестве характерной иллюстрации многократного изменения знания в процессе его миграции и сопутствующего ему процесса трансформации местного контекста.

Психогигиеническое движение возникло в конце XIX в. в США как результат продолжительных интеллектуальных баталий между представителями целого ряда научных дисциплин и социальных практик: с одной стороны, традиционной психиатрии «домов призрения» (asylum psychiatry) и принудительной госпитализации психически больных, а с другой — новых, но стремительно развивавшихся научных дисциплин — нейрологии и психологии. На стороне представителей новых научных дисциплин выступили и активисты прогрессивистских общественных движений (the Progressive movement, Progressive Era), таких как социальная работа (social work), представленная в то время добровольными обществами взаимопомощи (Charity Organization Societies) и зарождающимся движением за общественную медицину (public health) [35]. Тем не менее традиционно начало психогигиены ведут от публикации в 1908 г. книги Клиффорда Бирса (Clifford W. Beers) «Ум, который вновь обрел себя» («A mind that found itself»). Эта книга — история о душевной болезни и непрестом пути к выздоровлению, написанная чело-

веком, который в 1900–1903 гг. был пациентом психиатрической клиники, вызвала большой резонанс среди американских интеллектуалов и послужила толчком к консолидации движения и основанию в 1909 г. Национального комитета по психической гигиене (National Committee for Mental Hygiene), при непосредственном участии научных и общественных деятелей Клиффорда Бирса, Адольфа Майера (Adolf Meyer), Вильяма Джеймса (William James) и при финансовой поддержке филантропических организаций Генри Фиппса (Henry Phipps), Элизабет Андерсон (Elizabeth Milbank Anderson), Фонда Рокфеллера (Rockefeller Foundation) и др. [25].

В том же 1909 г. произошло событие, которому суждено было оказать значительное влияние на направление развития психогигиенического движения. По приглашению Г. Стенли Холла³, З. Фрейд совершил трансатлантическое путешествие вместе с группой своих сторонников и единомышленников и прочитал серию лекций в Кларкском университете. Идеи З. Фрейда о развитии неврозов и психозов на основе детских переживаний и ранних травматических впечатлений упали на богатую почву и дали начало не только долгому и продуктивному союзу движения «прогрессивного образования» (progressive education movement) и науки о ребенке и детском развитии, но и социальной, профилактической и превентивной медицине. Все эти различные инициативы и составили основу инновации, поднятой на знамена психогигиенического движения [23], [35].

То новое, что принесло с собой психогигиеническое движение, может быть

² В оригинале: «No entity remains unaffected in circulation, whether this entity is an idea, a language, a person, a technical object, know-how, a mode of organization, or a word».

³ Г. Стенли Холл (Granville Stanley Hall) — один из основателей и первый президент (1892) Американской психологической ассоциации (American Psychological Association), первый президент (ректор) Кларкского университета в 1889–1920 гг. (Clark University), ученик В. Джеймса и основатель науки о ребенке (педологии).

рассмотрено как с позиции собственно психиатрии, так и в более широком социальном контексте. С точки зрения психиатрии психогигиенисты настаивали на смещении акцента с лечения душевнобольных на предотвращение душевной болезни как таковой, на введении профилактических мер в духе превентивной медицины, опирающейся на систему диспансеров и амбулаторий. Таким образом, душевный недуг начал рассматриваться не как результат нарушения работы физического тела, что было характерно для соматической психиатрии, а как расстройство личности (personality), что для психиатрии с неизбежностью повлекло за собой поворот к изучению социальных условий возникновения психозов и неврозов.

Очевидно, что такая задача не могла быть решена силами одних лишь психиатров, из чего следует необходимость кооперации специалистов-психиатров, психологов и социальных работников, их участия в междисциплинарных исследованиях и совместных лечебных мероприятиях. Союз психиатров, психологов и социальных работников в рамках психогигиенического движения под эгидой Национального комитета по психической гигиене (National Committee for Mental Hygiene, NCMH), в 1930-е гг. пополнился представителями Ассоциации прогрессивного образования (Progressive Education Association, PEA), с энтузиазмом поддержавшими инициативу психогигиенистов, что привело в конечном счете к таким глубинным и фундаментальным изменениям представлений о педагогике и образовании в США, которые можно охарактеризовать как «медикализация» (medicalization) всей системы американского народного образования [23].

Вскоре после своего официального основания движение стало набирать обороты. Так, в 1917 г. в Соединенных Штатах был основан журнал «Mental Hygiene», ставший рупором движения в Северной Америке, а к началу 1920-х гг. психогигиеническое движение распространилось

и институционализировалось в Западной Европе: по инициативе Эдуарда Тулуза (Édouard Toulouse) в 1918 г. был основан Комитет по психической гигиене (le Comité d'Hygiène Mentale), а в 1921 г. — Французская лига профилактики и психической гигиены (Ligue Française de Prophylaxie et d'Hygiène Mentale, впоследствии переименована в Ligue Française d'Hygiène Mentale, LFHM). В 1925 г. во Франции начал выходить журнал «L'Hygiène mentale». Под эгидой Французской лиги прошли две конференции по психогигиене в Париже в 1922 и в 1927 гг. В мае 1930 г. в Вашингтоне прошел Первый международный конгресс по психической гигиене (First International Congress on Mental Hygiene), ставший своего рода «смотром достижений мирового психогигиенического движения» [13; 752].

Именно на этом конгрессе состоялась встреча советской и американской психогигиены, возможно и не первая, но в своем роде решающая. Задолго до этого Лев Маркович Розенштейн, будущий лидер психогигиенического движения в Советском Союзе, слушал доклад А. Майера о путях развития психиатрии и участвовал в его обсуждении на Международном конгрессе врачей (International Congress of Physicians) в Лондоне в 1913 г. и, по его собственному признанию в 1931 г., остался убежден в правильности взглядов А. Майера и американских психогигиенистов ([38], см. также [44]). Интересно посмотреть, как развивались идеи и представления американских реформаторов в советских условиях между двумя знаменательными конгрессами 1913 и 1930 гг.

Советская психогигиена как самостоятельная область знания и общественной практики имеет свои корни в земском движении врачей в России и в движении социальной профилактики в Германии конца XIX в. Тем не менее американский пример был, пожалуй, определяющим для становления психогигиены в СССР

после революции [58]. По возвращении в Россию Л.М. Розенштейн, видимо, вдохновленный идеями А. Майера, развернул активную деятельность по реализации американской модели реформы психиатрии: «...еще в 1914 г. он начал пропагандировать профилактическую психиатрию как средство борьбы с алкоголизмом, а также самоубийствами, которые, как считали, достигли размеров эпидемии в период реакции» и организовал амбулаторию для предрасположенных к нервным болезням и алкоголизму [14]⁴. Тем не менее подлинный расцвет карьеры Л.М. Розенштейна и психогигиенического движения на русской почве приходится на послереволюционные годы и непосредственно связан с реформами национальной системы здравоохранения под патронажем Наркомздрава и лично наркома РСФСР Н.А. Семашко. Можно по-разному оценивать успехи психогигиенического движения в СССР в 1920–1930-х гг. С одной стороны, благодаря огромной энергии лидеров советской психогигиены и значительной поддержке их инициатив со стороны власти к началу 1930-х гг. в стране развернулась сеть научно-исследовательских и медицинских заведений⁵. С другой стороны, успехи Л.М. Розенштейна и его единомышленников оставались весьма скромными, и в начале 1930-х гг. лидеры советской пси-

хогигиены не могли скрыть своего разочарования темпами развития этой дисциплины: «За истекшие годы советское психогигиеническое движение, хотя и не приняло характера массового движения и не вышло за пределы органов здравоохранения, крайне недостаточно охватив наши детские контингенты, тем не менее, в области организации психопомощи достигло широкого развертывания внебольничной помощи, в первую очередь охватив большие массы т.н. “пограничников”, а кроме того выработав свои отличные как по установкам, так и по методам формы психогигиенической работы» [13; 753]. И все же следует признать, что психогигиенический проект был реализован в СССР в таких объемах и с таким ошеломительным успехом, какой даже и не снился психогигиенистам в США, где движение развивалось с наибольшим размахом среди всех ведущих индустриально развитых стран.

Идеи американского психогигиенического движения, в конечном счете ставящего своей целью трансформацию общества, его институтов и практик, будучи «импортированы» в Советский Союз, не только сыграли заметную роль в социальных преобразованиях, но и, столкнувшись с местными традициями и определенными социально-экономическими условиями, сами претерпели определенные трансформации. Авангардное для североамериканских условий, психогигиеническое движение в СССР стало лишь одним из ручейков, вливавшихся в могучий поток идей и практик, который вовлек в себя практически все советское общество и в первую очередь представителей зарождающейся советской интеллигенции, увлеченной задачами построения «нового общества» и воспитания «нового человека». Так, психогигиена Л.М. Розенштейна и его единомышленников может быть понята только в контексте и как составная часть программы развития социальной гигиены – системы идей и практик, в основе своей не отличимых от

⁴ Здесь и ниже текст И.А. Сироткиной цитируется по электронной версии, доступной по адресу: URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/SIROTK.NTM>.

⁵ Ср.: «В начале 1930-х гг. в СССР существовали институты психопрофилактики в Ростове, Горьком, Перми, Областной кабинет социальной психиатрии и психогигиены в Москве, Институт социальной психоневрологии и психогигиены Всеукраинской психоневрологической академии, НИИ невро-психиатрической профилактики в Москве, были открыты кафедры социальной психиатрии и психогигиены в Центральном институте усовершенствования врачей в Москве (Розенштейн) и Психоневрологическом институте в Харькове (Л.Л. Рохлин)» [14].

идей американской психогигиены, но не ограничивающейся сферой психиатрии и проблемами лечения и предотвращения психических заболеваний. Впрочем, справедливости ради следует подчеркнуть, что и советская психогигиена не замыкалась на психиатрии в своих программных заявлениях, но в реальности была существенно ограничена в своем развитии как сильным сопротивлением консервативных психиатров традиционных направлений, так и бюджетными проблемами и нехваткой финансирования, требуемого для реализации всех амбициозных планов. Другим фактором, ограничивающим развитие и институционализацию психогигиены в СССР как самостоятельного движения, было, как это ни парадоксально, именно то обстоятельство, что революционные, условно говоря, «психогигиенические» идеи были исключительно популярны в широких слоях общества и поддерживались руководством государства на самом высоком уровне.

Так, идеи интеграции биологических и социальных наук в медицине и здравоохранении и их «социологизации» и «психологизации» нашли свое прямое воплощение в программе развития *социальной гигиены* [46]–[48]. Те же самые идеи находили свою реализацию в *гигиене труда*, области прикладных исследований и социальных практик, развивавшихся в ключе социальной гигиены, но в приложении к задачам охраны труда и борьбы с профессиональными заболеваниями (так называемыми профвредностями и профзаболеваниями) [43]. Задачи исследования и практики гигиены труда пересекались, в свою очередь, с задачами *психотехнического движения* в СССР, представленного разветвленной сетью организаций, которые объединились в 1927 г. во Всероссийское (позднее – Все-союзное) общество психотехники и прикладной психофизиологии (ВОПиПП) под официальным руководством И.Н. Шпильрейна. Фактически тот же самый проект социобиологической науки о ребенке

и детском развитии был реализован по инициативе А.Б. Залкинда под названием *педология*⁶. Несколько особняком стоят очень интересные исследования взаимодействий между пациентом и врачом и их влияния на процесс лечения, выполненные в том же самом общем ключе и иллюстрирующие процессы «психологизации» представлений о медицинской профессии. Так, позитивное влияние слова врача на пациента изучалось немногочисленными представителями *психотерапии* преимущественно в Харькове и Ленинграде (см., напр., [11]). С ними перекликались исследования явления ятрогении (негативного влияния врача на здоровье пациента), *отрицательной психотерапии* [5], подчеркивавшие принципиально важную роль личности врача, влияние психических факторов и установок пациента на формирование внутренней, субъективной картины болезни у больного и, в конечном счете, на его выздоровление [9].

Очевидны пересечение интересов и диалог между представителями этих разных и в то же время принципиально очень схожих дисциплин и направлений исследований, различавшихся зачастую лишь объектами изучения, сферами применения в определенном сегменте народного хозяйства, а также системой взаимоотношений и договоренностей между конкретными лидерами (*spokesmen*) (например, Л.М. Розенштейном, А.Б. Залкиндом, И.Н. Шпильрейном и другими) и покровителями конкретных дисциплин и движений (например, наркомом здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, наркомом просвещения РСФСР А.В. Луначарским или управляющим делами Совнаркома СССР

⁶ Официальный лидер советского психогигиенического движения Л.М. Розенштейн так характеризовал взаимоотношения между психогигиеной и педологией: «Педологическое движение по своей сущности поглощает в себе психогигиену возрастов воспитания, являясь профилактической силой для нервнопсихического здоровья» [12; 29].

Н.П. Горбуновым). Тем не менее принципиальное сходство между этими разными дисциплинарными проектами обеспечивалось их общими социобиологическими установками и общим набором определенных экспериментально-практических методов, таких как, например, методы анкетирования и тестирования. Их объединяла также и потребность в общей психологической теории, по наблюдению Л.С. Выготского, исходившая в середине 1920-х гг. гораздо в большей степени от специалистов в прикладных областях психоневрологических исследований, чем от самих психологов [3].

Таким образом, конкуренция за финансирование и «междвидовая борьба внутри комплекса прикладных психоневрологических дисциплин и научных теорий среднего уровня» ([21; 341], см. также [7]) существовала, пожалуй, лишь на уровне научного администрирования и государственной научной политики. В то же время можно, пожалуй, говорить о сравнительно мирном сосуществовании, кооперации и интенсивном взаимном обмене между представителями разных дисциплин на низовом уровне конкретных психоневрологических и медикобиологических исследований и теоретических разработок в их прикладном применении в народном хозяйстве страны. Именно в этом смысле следует понимать утверждение о том, что американская психогигиена, «импортированная» Советским Союзом и трансформированная там в соответствии с местными и заимствованными интеллектуальными традициями, социальными запросами и организационными возможностями науки, к началу первой пятилетки и культурной революции получила в советских условиях свое беспрецедентно широкое развитие далеко за пределами психогигиенического движения в США. Именно таким был образ советской психогигиены, «реэкспортированный» на Запад в 1930 г., когда советские ученые прибыли в Соеди-

ненные Штаты на I Международный конгресс по психогигиене (First International Congress on Mental Hygiene) с докладами о положении дел в советских психоневрологических науках ([28], [39], [41], см. также [36]–[38], [40]).

Между тем американское психогигиеническое движение в начале 1930-х гг., несмотря на ряд убедительных успехов, переживало не лучшие свои дни. Великая депрессия — разразившийся в конце 1929 г. экономический кризис, который обрушил рынки ценных бумаг и ознаменовался обвалом национальных экономик во всех индустриально развитых государствах Запада, — ощутимо сказалась не только на экономике, но и на интеллектуальных движениях Запада. Так, Советский Союз, оставшийся, как правило, любопытной диковинкой для американских интеллектуалов на протяжении всего десятилетия 1920-х гг., в это время стремительно входит в круг интересов американской интеллигенции, разочарованной положением дел в Америке эпохи кризиса десятилетия 1930-х гг. Плановость советской экономики первых пятилеток выступает символом стабильности и надежности, которых так не хватало на Западе: поток неизменно хвалебных публикаций американских авторов о Советском Союзе захлестывает Соединенные Штаты в 1931–1932 гг. и постепенно спадает на протяжении предвоенного десятилетия. К концу 1930-х гг. разочарование «советским экспериментом» становится ощутимым, а восторженные отзывы о Советском Союзе начинают уравниваться критикой бюрократизации советского делопроизводства, голода, государственного террора, политически мотивированных судебных процессов и обстановки страха в стране. Тем не менее для американских интеллектуалов довоенного десятилетия, несмотря на все недостатки реализации социалистического проекта в СССР, советский эксперимент продолжал оставаться примером альтернативного ва-

рианта государственного устройства и символом колоссальных возможностей социализма. Применительно к науке с середины 1930-х гг. щедрое финансирование научных исследований в Советском Союзе все чаще упоминается американскими учеными и общественными деятелями в контексте растущей волны призывов к увеличению государственной поддержки национальной науки, адресованных американской общественности, филантропическим организациями и в конечном счете — правительству страны. И хотя для консервативных американских ученых было характерно несколько сдержанное отношение к достижениям советской науки в целом, престиж определенных направлений советских естественных, биологических, медицинских и психоневрологических наук в Соединенных Штатах был вполне ощутим [30]. К их числу безусловно относится и советская междисциплинарная социобиологическая психоневрология и ее практические приложения в образовании и здравоохранении.

В июне 1933 г. по приглашению сотрудников и администрации Всеукраинской психоневрологической академии в Харькове (УПНА) (о ранней истории УПНА см. [20], [57]) в Советский Союз приехал с визитом президент Американской ассоциации психиатров и один из лидеров американской психогигиены А. Майер. В ходе визита он сделал несколько докладов о своей концепции психобиологии и ее применении в психиатрии. В то же время увиденное в Советской Украине — А. Майер побывал в Харькове и Одессе — произвело на него огромное впечатление, как следует из его интервью местной газете «Вісті» и из письма президенту УПНА Е.С. Затонской от 27 июня 1933 г., опубликованного в журнале «Советская психоневрология». В этом письме А. Майер пишет: «Я глубоко благодарен за поучительную и могущую служить стимулом демонстрацию вашей единственной в своем роде организации и многочисленных, необычайно важных, созданных

вами учреждений, которые в условиях направления советского мышления нашли оформление такого размаха... Этот месяц был для меня так полон новыми идеями, обменом опытом и всем виденным, что я считаю его за самое концентрированное и благодарное переживание психиатра и человека за всю мою более чем 40-летнюю работу в области психиатрии... Хочу надеяться, что это можно будет считать за начало дальнейшего контакта» [10; 157]⁷. Так, через 20 лет после исторической конференции в Лондоне, на которой Л.М. Розенштейн познакомился с идеями А. Майера, с чего, собственно, и началось российское, а затем и советское психогигиеническое движение, уже сам А. Майер приезжает в Советскую Украину, отмечает новые для себя идеи и восхищается достижениями советских коллег. А. Майер был в то время далеко не единственным американским психогигиенистом, восхищавшимся достижениями единомышленников в Советском Союзе. Популярность «советского проекта» среди американских психогигиенистов была вызвана не только успехами советской экономики в эпоху кризиса, но также и далеко не в последнюю очередь внутренними проблемами развития психогигиенического движения в США.

Сравнительно мирное сосуществование традиционной соматической, «медицинской психиатрии» и психогигиены как новой, «социальной психиатрии» к началу 1930-х гг. в Соединенных Штатах подошло к концу. Визит А. Майера в Советский Союз проходил на фоне усиления группы представителей «медицинской психиатрии», противопоставлявшей естественнонаучные методы изучения и

⁷ Переписка А. Майера с харьковскими коллегами, занимавшими видные административные должности в Украинской психоневрологической академии — Е.С. Затонской, А.И. Геймановичем, Л.Л. Рохлиным и А.Р. Лурией, — хранится в архиве медицинских институтов Джонса Хопкинса (Medical Archives of the Johns Hopkins Medical Institutions).

лечения психиатрических заболеваний его биопсихологической концепции, в которой душевный недуг представлялся как неустроенность (*maladjustment*), протекающая из социального окружения индивида и проявляющаяся в его неспособности адаптироваться к меняющимся внешним обстоятельствам. В то же время с начала 1930-х гг. концепция А. Майера подверглась критике и со стороны радикальных психогигиенистов.

Американское психогигиеническое движение, с самого своего основания ставившее во главу угла средовые и социальные факторы в происхождении и лечении психиатрических заболеваний, было в принципе предрасположено к социалистическим идеям. В годы Великой депрессии среди психогигиенистов растет разочарование в эффективности психогигиенических мер в условиях экономического кризиса. В самом деле, психогигиеническая практика в Соединенных Штатах проводилась, как правило, в виде ряда индивидуальных психотерапевтических мероприятий под сильным влиянием фрейдовского психоанализа. Экономический кризис и сопутствующие ему стресс, утрата жизненных ориентиров, фрустрация и психологическая депрессия сводят на нет все усилия психогигиенистов. Разочарование в индивидуальных терапевтических и психогигиенических мерах подталкивает ряд психогигиенистов к шагу, который выглядит вполне в логике дальнейшего развития психогигиенического проекта: если не удастся противостоять социальным причинам болезни, то не следует ли устранить эти причины в самом обществе?

Этот призыв к переделке общественного устройства обозначил тот «политический поворот» в психогигиеническом движении начала 1930-х гг., который в наиболее яркой форме нашел свое воплощение в деятельности Фрэнквуда Вильямса (*Frankwood E. Williams*) (1883–1936) [33], [34]. Медицинский директор Национального комитета

по психической гигиене (*medical director of the National Committee for Mental Hygiene*) с 1922 по 1931 г., Ф. Вильямс был одним из наиболее активных организаторов I Международного конгресса по психической гигиене в Вашингтоне (1930). Среди прочего он председательствовал на сессии по международной психогигиене (*World view of mental hygiene*) и специальной сессии, посвященной развитию психогигиены в Советском Союзе (*Mental hygiene activities in Russia (U.S.S.R.)*), на которой были заслушаны доклады о положении дел в советской психогигиене в системе здравоохранения (Л.М. Розенштейн, доклад озаглавлен «*The development of mental hygiene in the Soviet Union as a public-health measure*») и в области детского и подросткового развития (А.Б. Залкинд с докладом «*The fundamentals and the practice of mental hygiene in adolescence and youth in Soviet Russia*») (см. [53]). Идеи советских психоневрологов о прогрессе советского общества и науки упали на благодатную почву: уже в следующем, 1931 г. Ф. Вильямс предпринял поездку в Советский Союз и в качестве гостя и наблюдателя принял участие в VII Международном психотехническом конгрессе в Москве. Вслед за этим последовали поездки в СССР в 1932, 1935 и 1936 гг. и публикации неизменно восторженных статей и книг Ф. Вильямса о советском быте, общественном устройстве и феноменальных успехах прикладной психоневрологии с точки зрения задач воспитания подрастающего поколения и преодоления нервных и психических заболеваний на стадии их возникновения [54], [55].

Таким образом, Ф. Вильямс осуществляет «реэкспорт» американской психогигиены, но уже в ее советской версии.

⁸ Доклады были переведены и прочитаны Дж. Казаниным (*Dr. Jacob Kasanin*). В том же 1930 г. Дж. Казанин предпринял поездку в СССР, где и познакомился с Л.С. Выготским, его окружением и исследованиями в духе теории культурного развития высших психологических функций.

Строго говоря, для Ф. Вильямса «импорт» советской психогигиены неотделим как от «импорта» достижений широкого круга советских психоневрологических дисциплин, так и от пропаганды советского образа жизни: в отличие от США, подчеркивает Ф. Вильямс, советская психогигиена не сконцентрирована в определенных клиниках, центрах и кабинетах, а интегрирована в повседневную социальную практику. В результате такой интеграции психогигиенической идеологии в повседневную жизнь в Советском Союзе в соответствии с задачами социалистического проекта создания «нового человека» можно наблюдать процессы, свидетельствующие об изменении самой природы человека, в первую очередь его психологии. В России, рассуждает Ф. Вильямс, так же как и в Америке, в основе человеческого поведения лежат открытые в практике психоанализа глубинные психологические явления и процессы, например, эдипов комплекс, страх кастрации, анально-эротические комплексы или комплекс неполноценности. Однако в Советской России происходит что-то такое, в результате чего, по утверждению Ф. Вильямса, поведение людей существенно отличается от поведения американцев, и создается впечатление, что сила влияния этих глубинных подсознательных процессов на человеческое поведение гораздо слабее, чем в странах капитализма [54; 149]. Подтверждением тому — существенный спад числа психиатрических заболеваний в СССР в 1930-е гг. Так, Ф. Вильямс ссылается на слова Л.М. Розенштейна, который в частной беседе рассказывал ему о том, что в течение трех месяцев не мог найти по всем московским клиникам маниакально-депрессивного пациента для демонстрации своим студентам [54; 139]. При этом весьма примечательно, что Ф. Вильямс, судя по его публикациям, осознанно или подсознательно, не замечает того обстоятельства, что психогигиеническое движение в Советском Союзе, как, впрочем,

и все смежные дисциплины, движения и практики, в том числе социальная гигиена, гигиена труда, психотехника, педология и психология, с начала 1930-х гг. переживают период кризиса, а основная масса научных и медицинских работников вовлекаются в ритуальные публичные дискуссии, критику крайностей «механицизма» и «меньшевиствующего идеализма» и публичные признания собственных ошибок. Очевидно, что советский эксперимент интересует Ф. Вильямса прежде всего в контексте положения дел в американской прикладной психологии и психиатрии, и именно западной аудитории адресованы его призывы к изменению общественного устройства по советскому образцу.

Дальнейшая история циркуляции «психогигиенических» идей между Европой и Америкой остается за рамками этой статьи. Для нас же сейчас достаточно подытожить этот эпизод «транснациональной истории» психогигиены следующим заключением: производство идей неразрывно связано как с местными контекстами (научными традициями, социальными институтами, отношениями с покровителями и спонсорами науки, карьерами научных деятелей и т.п.) [17], так и с непрерывной «циркуляцией идей» в международном и национальном контексте коммуникаций внутри сетей неформальных личных знакомств и контактов ученых [16]. Упуская из виду это обстоятельство, мы рискуем продолжать оставаться в плену историй об «исключительной» и «самобытной» изолированной отечественной науке, а на самом деле включенной в международный контекст постоянного обмена, трансформации и развития научных идей.

*

Задача реконструкции «транснациональной» истории советской психологии совсем не проста и весьма амбициозна. Тем не менее очевидны и выгоды от по-

добной смены «исследовательской оптики»: новый взгляд на советскую науку как на интегральную часть международного процесса производства теорий, дискурсов и практик поможет нам в конечном счете провести адекватную оценку (и переоценку) содержания тех или иных психологических теорий советского периода и реального места этих теорий как в истории науки, так и в повестке дня современных психологических исследований.

Иными словами, самоизоляция не столько самой психологии, сколько ее историографии должна быть преодолена, и, думается, уже в ближайшее время мы станем свидетелями появления целой серии новых междисциплинарных и транснациональных исторических исследований. Тем более что отменные образцы транснациональной интеллектуальной историографии психологии у нас уже есть (см., напр., [26], [49]).

1. *Адибеков Г.М., Андерсон К.М., Роговая Л.А.* Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): повестки дня заседаний 1919–1952. М.: РОССПЭН, 2000.
2. *Александров Д.А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1996. № 3. С. 3–24.
3. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии.* М.: Педагогика, 1927/1982. С. 291–436.
4. *Есаков В.Д., Осипов Ю.С.* Академия наук в решении Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991. М.: РОССПЭН, 2000.
5. *Каннабих Ю.В.* К профилактике одной из форм реактивной (иатрогенной) депрессии // *Профилактика нервных и психических заболеваний / Ред. Давыденков С.Н., Розенштейн Л.М. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929. С. 75–88.*
6. *Козлов В., Локтева О.* «Архивная революция» в России (1991–1996) // *Свободная мысль.* 1997. № 1, 2, 4.
7. *Кременцов Н.Л.* Принцип конкурентного исключения // *На переломе: советская биология в 20-х – 30-х гг. Вып. 1 / Под ред. Э.И. Колчинского.* СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 107–164.
8. *Куманев В.А., Панцирев Ю.А.* Международные научные связи Академии наук СССР: 1917–1941. М.: Наука, 1992.
9. *Лурия Р.А.* Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. М.; Л.: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы, 1935.
10. *Майер А.* Письмо президента Американской ассоциации психиатров профессора Адольфа Майера президенту Всеукраинской психоневрологической академии Е.С. Затонской // *Советская психоневрология.* 1933. Т. 9. № 6. С. 157.
11. *Психотерапия: Сборник статей / под ред. проф. К.И. Платонова.* Харьков: Гос. изд-во Украины, 1930. (Украинский психоневрологический институт. Труды. Т. XIV).
12. *Розенштейн Л.М.* Психиатрия и профилактика нервно-психического здоровья // *Профилактика нервных и психических заболеваний / Ред. Давыденков С.Н., Розенштейн Л.М. М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929. С. 5–34.*
13. *Розенштейн Л., Рохлин Л., Эдельштейн А.* Психогигиена // *БМЭ. Т. 27 / Под ред. Н.А. Семашко.* М.: Гос. словарно-энциклопедическое изд-во «Советская энциклопедия», 1933. С. 749–762.
14. *Сироткина И.Е.* Психопатология и политика: становление идей и практики психогигиены в России // *Вопр. истории естествознания и техники.* 2000. № 1. С. 154–177.
15. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001.
16. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // *Вопр. психол.* 2012. № 1. С. 100–112.
17. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт–экспорт» в науке и власть // *Вопр. психол.* 2011. № 6. С. 108–121.
18. *Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920–30-х гг. // *Вопр. психол.* 2010. № 3. С. 101–112.
19. *Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920–30-х гг. // *Вопр. психол.* 2011. № 1. С. 124–136.
20. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931–1936 гг. // *Культурно-историческая психология.* 2008. № 3. С. 92–102.
21. *Ясницкий А., Завершнева Е.* Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // *Нов. лит. обзор.* 2009. № 100. С. 334–355.

22. *Bourdieu P.* The social conditions of the international circulation of ideas // Shusterman R. (ed.). *Bourdieu: A critical reader*. Oxford: Blackwell, 1999. P. 220–228.
23. *Cohen S.* The mental hygiene movement, the development of personality and the school: The medicalization of American education // *History of Education Quart.* 1983. V. 23. N 2. P. 123–149.
24. *Cohen Y.* Circulatory localities: The example of Stalinism in the 1930s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. V. 11. N 1. P. 11–45.
25. *Dain N.* Clifford W. Beers: Advocate for the insane. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1980.
26. *Danziger K.* Constructing the subject: Historical origins of psychological research. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
27. *Heilbron J., Guilhot N., Jeanpierre L.* Toward a transnational history of the social sciences // *J. of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. V. 44. N 2. P. 146–160.
28. *Jouchtchenko A.J.* [Report on mental hygiene in the Ukraine] // Williams F.E. (ed.). *Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene* N.Y.: International Committee for Mental Hygiene, 1930/1932. V. 1. P. 134–135.
29. *Khlevniuk O.* Stalinism and the Stalin period after the «archival revolution» // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. V. 2. N 2. P. 319–327.
30. *Kuznick P.J.* Beyond the laboratory: Scientists as political activists in 1930s America. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.
31. *Ophir A., Shapin S.* The place of knowledge: A methodological survey // *Science in Context*. 1991. V. 4. N 1. P. 3–21.
32. *Piaget J.* Some impressions of a visit to Soviet psychologists // *The Amer. Psychologist*. 1956. V. 11. N 7. P. 343–345.
33. *Pols H.* Divergences in American psychiatry during the Depression: Somatic psychiatry, community mental hygiene, and social reconstruction // *J. of the History of the Behavioral Sciences*. 2001. V. 37. N 4. P. 369–388.
34. *Pols H.* Frankwood E. Williams (1883–1936) // *Amer. J. of Public Health*. 2007. V. 97. N 4. P. 618.
35. *Quen J.M.* Asylum psychiatry, neurology, social work and mental hygiene: An exploratory study in interprofessional history // *J. of the History of the Behavioral Sciences*. 1977. V. 13. N 1. P. 3–11.
36. *Rochlin L.* College mental hygiene in the Ukraine (U.S.S.R.) // *Mental Hygiene*. 1930. V. 14. N 3. P. 661–71.
37. *Rosenstein L.* The development of mental hygiene in Russia (USSR) // *Mental Hygiene*. 1930. V. 14. N 3. P. 644–647.
38. *Rosenstein L.* Public health service and mental hygiene in the USSR // *Mental Hygiene*. 1931. V. 16. N 4. P. 739–743.
39. *Rosenstein L.M.* The development of mental hygiene in the Soviet Union as a public-health measure // Williams F.E. (ed.). *Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene* N.Y.: International Committee for Mental Hygiene, 1930/1932. V. 1. P. 145–148.
40. *Salkind A.B.* The fundamentals and practice of mental hygiene in adolescence and youth in Soviet Russia // *Mental Hygiene*. 1930. V. 14. N 3. P. 647–649.
41. *Salkind A.B.* The fundamentals and the practice of mental hygiene in adolescence and youth in Soviet Russia // Williams F.E. (ed.). *Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene*. N.Y.: International Committee for Mental Hygiene, 1930/1932. V. 1. P. 148–150.
42. *Secord J.A.* Knowledge in transit // *Isis*. 2004. V. 95. N 4. P. 654–672.
43. *Siegelbaum L.H.* Okhrana truda. Industrial hygiene, psychotechnics, and industrialization in the USSR // Solomon S.G., Hutchinson J.F. (eds). *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1990. P. 224–245.
44. *Sirotkina I.* Diagnosing literary genius. A cultural history of psychiatry in Russia, 1880–1930. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2002.
45. *Solomon S.G.* Circulation of knowledge and Russian locale // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. V. 9. N 1. P. 9–26.
46. *Solomon S.G.* Social hygiene and Soviet public health, 1921–1930 // Solomon S.G., Hutchinson J.F. (eds). *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington; Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1990. P. 175–199.
47. *Solomon S.G.* Social hygiene in Soviet medical education, 1922–30 // *J. of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1990. V. 45. N 4. P. 607–643.
48. *Solomon S.G.* The limits of government patronage of sciences: Social hygiene and the Soviet state, 1920–1930 // *Social History of Medicine*. 1990. V. 3. N 3. P. 405–435.
49. *Valsiner J., Van der Veer R.* The social mind: Construction of the idea. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
50. *Viteles M.S.* Industrial psychology in Russia // *Occupational Psychol.* 1938. V. 12. N 2. P. 85–103.
51. *Viteles M.S.* Morris S. Viteles // Boring E.G., Lindzey G. (eds). *A history of psychology in autobiography* V. 5. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1967. P. 417–500.
52. *Wender P.H.* Book review. Zeigarnik, Blyuma Vul'fovna (Haigh, B., trans.). *The Pathology of*

- Thinking. Consultants Bureau, New York, 1965 // The J. of Nervous and Mental Disease. 1967. V. 144. N 4. P. 333–334.
53. *Williams F.E.* (ed.). Proceedings of the First International Congress on Mental Hygiene. N.Y.: International Committee for Mental Hygiene, 1930/1932. V. 1.
54. *Williams F.E.* Russia, youth, and the present-day world. Further studies in Mental Hygiene. N.Y.: Farrar & Reinhart, 1934.
55. *Williams F.E.* Soviet Russia fights neurosis. L.: Routledge, 1934.
56. *Yasnitsky A.* «Archival revolution» in Vygotskian studies? Uncovering Vygotsky's archives // J. of the Russian and East European Psychol. 2010. V. 48. N 1. P. 3–13.
57. *Yasnitsky A., Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // J. of the History of the Behavioral Sciences. 2008. V. 44. N 2. P. 119–145.
58. *Zajicek B.* Scientific psychiatry in Stalin's Soviet Union: The politics of modern science and the struggle to define «Pavlovian» psychiatry, 1939–1953: Unpublished Ph.D. dissertation. Chicago: University of Chicago, 2009.

Поступила в редакцию 19. II 2011

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЯХ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Е.Ю. ЗАВЕРШНЕВА

Анализируются неопубликованные рукописи из семейного архива Л.С. Выготского, датированные 1914–1917 гг. («Иудаизм и социализм», «Духовный сионизм (об Ахад-Гаоне)», «О сионизме», «Книга фрагментов» и др.). Изучение этих рукописей показывает, что основной темой размышлений Л.С. Выготского в дореволюционные годы был еврейский вопрос. Критикуя политические течения, предлагающие различные решения данного вопроса, он отвергал их и склонялся к тому, что подлинную опору для духовного возрождения еврейской нации можно найти только в иудаизме. Согласно «Книге фрагментов» данная точка зрения сохранялась у Л.С. Выготского и после Февральской революции, до конца 1917 г. Из работы «Иудаизм и социализм» также следует, что накануне революции Л.С. Выготский находился в жесткой оппозиции к идеологии социализма и теории К. Маркса.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, семейный архив Л.С. Выготского, еврейский вопрос, кризис, социализм, сионизм, иудаизм, Моисей, «Книга фрагментов».

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУКОПИСЕЙ 1914–1917 гг., ХРАНЯЩИХСЯ В СЕМЕЙНОМ АРХИВЕ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Несмотря на то что Л.С. Выготский является признанным классиком мировой психологии, в его биографии до сих пор сохраняются «белые пятна». В частности, о его пребывании в Москве во время обучения в МГУ и Народном университете А.Л. Шанявского (в 1913–1917 гг.) имеются весьма отрывочные сведения, в основном формального характера (документы о

поступлении, зачетная книжка и т.д.); что же касается внутренней стороны этого отрезка жизни Льва Семеновича, его замыслов и надежд, то до последнего времени никакой информацией историки не располагали. В библиографии работ Л.С. Выготского на данный период приходится шесть небольших статей и одна рукопись («Трагедия о Гамлете»). Безусловно, и этот объем написанного впечатляет, ведь речь идет о 20-летнем юноше, который посещает не только положенные ему по программе занятия, но также семинары, в том